

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Евразийская идеология и евразийская интеграция

THEMATIC DOSSIER: Eurasian Ideology and Eurasian Integration

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-7-16

Научная статья / Research article

Глобальность и самобытность в теории международных отношений

А.П. Цыганков¹, П.А. Цыганков²✉¹Государственный университет Сан-Франциско, Сан-Франциско, США²МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация✉ tsygankp@mail.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос о соотношении глобального и национально-самобытного, остающийся в течение последних примерно 15 лет предметом нового «большого спора» в науке о международных отношениях. Авторы показывают, что, несмотря на доминирование в западном академическом мейнстриме позиций западного «универсализма», продолжает усиливаться и их критика. В этой связи вызывает интерес развиваемый А. Ачарьей и Б. Бузаном проект создания глобальной теории международных отношений, учитывающий опыт незападных, в частности восточноазиатских, исследований. На наш взгляд, при всех позитивных чертах данного проекта за ним скрывается стремление вдохнуть новую жизнь в отживающий свое западнцентристский взгляд на мир. Декларируемая важность учета незападных интеллектуальных, социокультурных и исторических традиций самобытности в формировании глобального взгляда на мир не содержит осмысления самого понятия самобытности, а подменена понятиями регионов и множественных агентов-участников. Однако без такого осмысления невозможны ни историческая реконструкция глобального, ни осмысление его социально-интеллектуальных корней. Любая теория содержит в себе несколько уровней и строится на основе важных идейно-политических допущений, национальные различия которых едва ли удастся преодолеть в результате общенаучного диалога. Точно так же и теория международных отношений есть продукт времени, места, социокультурных обстоятельств и конкретных интеллектуальных усилий. Она по определению не может быть универсальной и должна выстраиваться исходя из местных особенностей и условий. Общенаучные понятия не могут быть выработаны и подтверждены лишь из одной части культурно противоречивого мира. Поэтому условием развития науки должен быть социокультурный и политический диалог ученых, представляющих разные страны и части современного мира. Для России это означает, во-первых, важность понимания собственных историко-социальных условий, во-вторых, необходимость мобилизации собственного интеллектуального капитала в их осмыслении и выработки на этой основе соответствующих национальным интересам подходов к изучению международных отношений.

Ключевые слова: глобальность, самобытность, глобальная теория международных отношений, западнцентризм, Россия

© Цыганков А.П., Цыганков П.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Цыганков А. П., Цыганков П. А. Глобальность и самобытность в теории международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 7—16. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-7-16>

The Global and the Nationally Distinctive in IR Theory

Andrei P. Tsygankov¹ , Pavel A. Tsygankov²

¹State University of San Francisco, San Francisco, USA

²Moscow State University, Moscow, Russian Federation

 tsygankp@mail.ru

Abstract. The article examines the issue of the international and nationally distinctive, which has been the subject of a new “big debate” in the science of international relations in the last 15 years. The authors show that despite the dominance of “universalist” positions within the Western academic mainstream, their criticism continues to grow. In this regard, an interesting project of the global IR theory by A. Acharya and B. Buzan is being discussed. In our view, with all the positive features of this project, it is informed by the outdated West-centric view of the world. The declared consideration of non-Western intellectual, socio-cultural and historical traditions in the formation of a global view of the world does not contain an understanding of the concept of identity, which is replaced by the concepts of regions and multiple agents-participants. However, without such an understanding, neither the historical reconstruction of the global, nor the understanding of its social and intellectual roots is possible. Any theory contains multiple levels and is based on important politico-ideological assumptions, which are national, and not universal. Any theory, including international theory, is also a product of time, place and social relations. Such theory is based on local specifics and conditions. Scientific concepts cannot be developed only from one part of the culturally pluralist world. Therefore, a condition for such development should be a socio-cultural and political dialogue between scholars representing different countries and parts of the world. For Russia, this implies the need to understand its own historical and cultural conditions and mobilize its own intellectual capital in their examination and development of national IR theory.

Key words: globality, distinctiveness, global theory of international relations, West-centrism, Russia

Acknowledgements: The research was carried out with the support of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow State University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage.”

For citation: Tsygankov, A. P., & Tsygankov, P. A. (2022). The global and the nationally distinctive in IR theory. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(1), 7—16. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-7-16>

Обильны и неиссякаемы... источники [теории и практики международных отношений]: русская общественная мысль, русское народное чувство, предания и заветы предков, основанное на строгом и внимательном изучении понимание великого прошлого России, согретая любовью к ней глубокая вера в ее грядущие судьбы.

С.С. Татищев
(Татищев, 2016, с. 179)

Введение

Современная теоретическая литература о международных отношениях все заметнее включается в очередной так называемый большой спор, касающийся вклада западного мира в формирование глобальных знаний о мире. По сравнению с прежними

спорами об идеализме/реализме, классическом/научном подходе и рационализме/конструктивизме новый спор выводит обсуждение и саму дисциплину международных отношений за пределы ее привычно западного ареала развития.

Хотя новый спор развернулся сравнительно недавно — лишь в последние 10—15 лет, —

в нем уже появилось немало важных нюансов и поворотов. Уточняются понятия и границы западного и универсального. Ставится вопрос о возможностях подлинно глобального знания с учетом его национальных и региональных корней и особенностей. Интенсифицируются усилия представителей незападных культур и традиций, прежде всего Китая, по созданию собственных школ изучения международных отношений, в том числе на основе развития собственных журналов и публикаций в стране и за ее пределами. Возможности формирования незападных теорий международных отношений и возможностей глобального академического дискурса в данной области обсуждаются и в отечественной литературе (Алексеева, 2017; Лебедева, 2017; Грачиков, 2019; Дегтерев, 2021; Истомин, Байков, 2015; Фененко, 2016; Цыганков, Цыганков, 2017). Вместе с тем предпринимаются активные попытки оживить западное под видом глобального и претендующего на универсальность знание.

Происходящее заставляет задуматься о соотношении глобального и национально-самобытного в формировании знания вообще и науки о международных отношениях в частности. Представляется, что без нового прояснения этих понятий и характера их отношений на современном этапе трудно ставить вопрос о формировании российской школы международных отношений, не говоря уже о нахождении на него удовлетворительного ответа. Как первое, так и второе необходимо для сохранения и развития Россией позиций самостоятельного государства с самобытными ценностями и отлаженной системой национальных интересов. К продвижению в данном направлении российских международных подталкивает сама жизнь. Мир разворачивается от утвердившейся было после холодной войны западноцентричной модели глобализации к новым процессам регионализации и «национализации». Пандемия лишь закрепила этот поворот, заострив вопрос о поиске новых оснований для национального выживания и развития.

В данной статье хотелось бы в порядке дискуссии предложить наше понимание

соотношения глобального и самобытного как в современных мировых разработках, так и применительно к условиям и задачам России. Мы убеждены, что самобытность формируется во взаимодействии с внешним и глобальным, а глобальное невозможно без учета самобытного и без постоянного диалога с ним. С этих позиций критически анализируются новые попытки сформулировать понятие глобального без учета центральности самобытного. На наш взгляд, за этими попытками скрывается стремление вдохнуть новую жизнь в отживающий свое западноцентричный взгляд на мир. В контексте сказанного мы возвращаемся к вопросу об импликациях данного спора для России.

Глобальность и самобытность

Нам представляется, что глобальность и самобытность следует рассматривать, как говорили в былые марксистские времена, в их диалектическом отношении. Одно не существует без другого, постоянно подтверждаясь во взаимодействии и взаимовлиянии. В международных отношениях сформировалось немало способов определять глобальное не как продукт одной только культуры — западной или какой-то иной, а как взаимодействие, многообразие и плюралистическое сообщество различных культур и цивилизаций (Alker & Biersteker, 1984; Inayatullah & Blaney, 2004; Decolonizing international relations, 2006; Hobson, 2012; Thinking international relations differently, 2012; Acharya & Buzan, 2017; Cheng & Brettle, 2019). Подобным образом многими современными теоретиками вклада незападных культур в мировые знания о международных отношениях ставится вопрос о глобальном.

Что касается самобытного, то это понятие разработано значительно слабее и нуждается в дополнительных пояснениях. Поясним, в частности, что имперское, автаркическое и национально-этническое есть лишь отдельные проявления самобытности. Последнее понятие содержательно шире и богаче и должно определяться через весь спектр возможных измерений социокультурного своеобразия и реализации в мире. Важно

осмыслить как онтологическое, так и эпистемологическое измерение понятия. Онтологически самобытность предполагает комплекс особых условий, в которые помещена страна, — экономических, технологических, геополитических, военно-политических, климатических, информационных и иных. Эпистемологически самобытность выявляется прежде всего, хотя и не исключительно, интеллектуальными усилиями лучших мыслителей страны¹. Кому как не им, выросшим и впитавшим в себя соки родной культуры, выразить ее на родном же языке, сформулировать необходимые понятия и вписать их в общий национально-цивилизационный контекст?

Примеров подобных стремлений соединить глобальное и самобытное в мире уже немало. Китайские исследователи активно работают над формированием собственных национально-ориентированных теорий международных отношений, развивающихся в диалоге с западными. Некоторые из них призывают выйти за пределы бинарных оппозиций «свой — чужой» на путях осмысления и представления реляционного мирового порядка (Eun, 2018). В Индии исследователи-международники выступают за преодоление британского колониального наследия и опору на собственную интеллектуальную историю (Chagas-Bastos, Leite & Maximo, 2019). В мусульманском мире обнаружилась критика не только проектов западной исключительности, но и незападной. При этом в качестве альтернативы некоторые исламские исследователи предлагают опираться на суфийскую философию (Shahi, 2019) как основу создания глобальной теории международных отношений². В целом незападные теории склонны предлагать свои, близкие им «когнитивные фреймы», являющиеся в основе своей коллективистскими, холистическими и контекстуальными, в отличие от западных, особенно американских фреймов методологического

индивидуализма, анализа и объективности (Cheng & Brettle, 2019).

Далеко не все из обозначенных подходов безупречны с точки зрения стремящихся к получению глобального знания. Нередко эти подходы предлагают в качестве потенциально глобальных культурно нагруженные понятия и теории. И все же в целом нельзя не видеть наметившегося движения дисциплины международных отношений к ее новому состоянию. Новый большой спор еще только начинает оказывать влияние на глобальные дискуссии, но уже породил развивающуюся литературу осмысливающих феномен нового культурного многообразия и плюрализма в мире (Reus-Smit, 2018). Этот спор неизбежно будет развиваться и углубляться, в том числе в силу сопровождающих и подкрепляющих его фундаментальных экономических и военно-политических изменений в мире. По мере движения мира к многополярности неизбежно и движение к плюрализации социального знания.

Западноцентризм и попытки его оживления

Новый спор потеснил позиции американоцентризма и западноцентризма в международных отношениях, еще недавно казавшиеся многим незыблемыми. Западные международники все чаще отмечают стагнацию традиционных исследовательских программ, связанных с изучением демократического мира, «мягкой силы» и др., а также относительное снижение цитируемости классиков западного реализма и либерализма, указывают на диверсификацию споров внутри дисциплины международных отношений. Сегодня даже называющие себя рационалистами, выступающие за накопление знаний о мире на основе позитивистских методов проверки гипотез ученые осознают ограниченность возможностей Запада в формировании глобальной теории международных отношений (Colgan, 2019).

Конечно, есть немало и тех, кто отмеченного кризиса западноцентризма не усматривает, выступая с прежних позиций. В западном

¹ Термин «самобытность» активно использовался в славянофильской философии в связи с идеями особого пути России. См., например: (Сухов, 1998).

² Сравнительное осмысление теорий исключительности в США, Китае, Индии и Турции предпринято, в частности в (Cha, 2015).

академическом мейнстриме доминируют те, кто не хотел бы пересмотра позиций западного «универсализма» и продолжает не замечать его этноцентристских оснований. Для теоретиков типа Д. Миршаймера основы науки о международных отношениях находятся на Западе и не должны ставиться под сомнение во имя сохранения академических стандартов и единства дисциплины (Mearsheimer, 2016). В американских университетах эта позиция сегодня уязвима и в силу распространения политически мотивированной борьбы с расизмом. Вне зависимости от отношения к этой борьбе она играет свою роль в вытеснении западнцентристских стереотипов в социальной науке.

На этом фоне все слышнее голоса выступающих за преодоление западного доминирования на путях развития глобальной теории международных отношений. Сторонники этой позиции во многом согласны с критиками западнцентризма и хотели бы привлечь их на свою сторону в движении к глобальной теории. К проектам создания такой теории следует присмотреться повнимательнее и попытаться понять их потенциал учета и интеграции, основанной на социокультурной идентичности и исторических традициях самобытности.

Один из таких проектов глобальной теории международных отношений был предложен в серии статей, выступлений и недавней книге А. Ачарья и Б. Бузаном (Acharya, 2014; 2016; Acharya & Buzan, 2019). Будучи выдвинутым известными исследователями — британцем и американцем индийского происхождения — проект предполагает переосмысление мирового опыта с позиций глобальной, а не только западной истории, опыта регионов и многообразия государственных и негосударственных участников международных отношений. А. Ачарья и Б. Бузан предлагают осмыслить исторический и интеллектуальный опыт за пределами Запада и строить теорию международных отношений, руководствуясь опытом как западного, так и незападного миров. Казалось бы, что именно такой подход позволит интегрировать глобальное и самобытное, уйдя от привычного и

тормозящего развитие дисциплины западного этноцентризма.

Однако при внимательном рассмотрении так называемую глобальную теорию международных отношений предлагают выстраивать без должного учета полноты национально-культурной самобытности. Само понятие самобытности в этой теории не осмысливается и подменено понятиями регионов и множественных агентов-участников. Но главное, на наш взгляд, заключается в том, что в качестве требования к незападным теориям выдвигается необходимость формирования гипотез и знаний, проверяемых за пределами тех регионов, в которых они были сформулированы (Acharya, 2014). Это само по себе понятное с точки зрения общенаучных стандартов требование, во-первых, предполагает эмпирически-позитивистскую центрированность знания с характерным для него недостаточным учетом факторов местного и социокультурного контекста производства знания. Во-вторых, в этом требовании можно прочесть установку для «местных» исследователей, согласно которой они должны доказать работающим на Западе потенциал незападного стать научно универсальным. Почему же доказывать должны незападные западным, а не наоборот? Кто будет судить и делать выводы об их научности и универсальности? Не получится ли, что незападным исследованиям будет отказано в полноценной научности на основании их излишней идеологизированности и недостаточной проверяемости? Например, кто из западных исследователей помнит сегодня о вкладе советских исследователей в изучение международных отношений? Между тем в советский период было создано немало ценного и нуждающегося в продолжении и развитии — свои школы системного анализа в ИМЭМО и МГИМО, связанные с именами Н.А. Симонии, Л.И. Рейснера и других востоковедов-теоретиков (В.И. Гантмана, М.А. Хрусталева), а также теории модернизационного синтеза, анализ циклов мировой политики³ и

³ Хрусталева М.А. Системное моделирование международных отношений: учеб. пособие. М.: МГИМО, 1987.

многое другое (Эволюция восточных обществ..., 1984; Система, структура и процесс развития современных международных отношений, 1984; Зарубина, 1998; Пантин, Лапкин, 2006).

Национальная критика нового глобализма

Проблема так называемой глобальной теории международных отношений связана, на наш взгляд, с определением глобального как самоценного и автономного от национально-самобытного без попытки выстроить отношения глобального и самобытного как онтологически равных, находящихся между собой в сложных диалектических отношениях. Фактически статус онтологического признания закреплен в глобальной теории за глобальным. Глобальное определяется в данном случае не через универсальную идею — как, например, либеральная демократия в американском мейнстриме или «хорошее управление» в европейском, — а через плюрализм регионов и агентов-участников, в том числе за пределами Запада. В этом проекте легко угадывается характерная для уже известных научной общественности левых по политической ориентации идей глобального мира критика государства и национальной государственности как «монополизирующих» современность и излишне консервативных, сдерживающих прогресс человечества институтов⁴. В немалой его части глобальное мыслится здесь как отрицание — причем далеко не диалектическое — государственного и национально-самобытного.

Проницательные исследователи уже обратили внимание на обозначенную склонность А. Ачарьи и Б. Бузана к дихотомическому пониманию глобального и самобытного. В частности, немецкие теоретики международных отношений Ф. Андерл и А. Витт указали на необходимость проблематизации глобального и ухода от его понимания как структурно неизменного и онтологически самостоятельного (Anderl & Witt, 2020). В

своей работе они не ограничились теоретико-логической критикой, но и предложили пути преодоления дихотомии двух понятий. Во-первых, необходимо показать исторические корни возникновения и современные условия поддержания каждого из «глобализмов». Во-вторых, на основе такого осмысления необходимо ответить на вопрос, каким целям и в чьих интересах они служат (Anderl & Witt, 2020, p. 48). По убеждению данных исследователей, если глобальной теории А. Ачарьи и Б. Бузана суждено продемонстрировать способность быть «менее высокомерной, менее антиисторичной и менее эксклюзивной», ей будет важно ответить на эту критику (Anderl & Witt, 2020).

Эта критика возвращает нас к понятию самобытного, без которого невозможны ни историческая реконструкция глобального, ни осмысление его социально-интеллектуальных корней. И здесь мы обнаруживаем, что само это понятие плохо разработано теоретически и не слишком занимает не только А. Ачарью с Б. Бузаном, но и западную мысль о международных отношениях. Так, в западном реализме национально-культурное сводится к государственному. Например, в недавней книге, посвященной критике либерализма, ведущий американский реалист Д. Миршаймер не проводит каких-либо принципиальных различий между реализмом и национализмом (Mearsheimer, 2018).

Еще меньше осмысления национально-особенного — в западном либерализме, в основном исходящем из центральности индивидуальных прав и свобод и настаивающем на приоритетности либеральной демократии. Либералов редко заботит, что либеральная демократия далеко не везде приживается и отнюдь не является единственным способом выразить национально-культурную самобытность. Нередко ее выражают не либеральные, а традиционные и консервативные ценности (Keating & Kaczmarek, 2019). Однако для представителей западного либерализма глобальное — это главным образом западное. Кстати, похоже, что в этой области рассмотренный выше проект А. Ачарьи и Б. Бузана близок именно к западному либерализму.

⁴ Из ранних работ в этом жанре см., например: (Falk, 1995; Cox & Sinclair, 1996; Linklater, 1998).

Отрицая претензии на культурную исключительность, авторы критикуют понятия «азиатских ценностей», «азиатских прав человека» и конфуцианских ценностей как связанные с моделями авторитарного правления, но при этом не упоминают о претензиях Запада на собственную исключительность (Acharya, 2014; 2016).

Наконец, конструктивизм в последнее время все меньше интересует формирование национального и все больше волнуют вопросы формирования повседневной структуры смыслов в практике и взаимодействии различных групп и акторов, в том числе внутри стран и элит (McCourt, 2016; Kustermans, 2016). Кроме того, внутри западного конструктивизма влиятельны теоретики международных и глобальных норм, не слишком чувствительные к восприятию этих норм национальными государствами и обществами (Adler-Nissen, 2016).

Национально-самобытное в русской международной теории

Такое состояние современной литературы по вопросам глобального и самобытного следует иметь в виду тем, кто всерьез ставит задачу национального осмысления происходящих в мире перемен. Любая теория, в том числе теория международных отношений, есть продукт времени, места и конкретных интеллектуальных усилий. Поскольку это так, она по определению не может быть универсальной и должна выстраиваться исходя из местных особенностей и условий. Такое положение не означает ее ненаучности и непроверяемости — каждая теория должна иметь выход в практику, подтверждать ее или опровергаться ею, — оно лишь означает ограниченность любой теории и важность понимания ею собственных возможностей и пределов.

Для России это означает, во-первых, важность понимания собственных историко-социальных условий, а во-вторых, необходимость мобилизации собственного интеллектуального капитала в их осмыслении. Русская политическая мысль уже не первое столетие обсуждает вопросы национального своеобразия и его квинтэссенции — русской идеи. Без

обсуждения русской идеи, без опоры на русскую мысль и философию не выстроить и русскую теорию международных отношений. К этому призывал нас и процитированный в эпиграфе русский историк и дипломат С.С. Татищев, и многие другие представители национальной мысли.

Пока российские международники движутся в этом направлении скорее интуитивно, на ощупь, нежели на основе систематического осмысления современных мировых процессов. На наш взгляд, идея нации или самобытная идея должна быть отправной в выстраивании любого теоретического объяснения. Русская идея представляет собой синтез державных и иных социокультурных установок, своеобразно соединившихся на различных этапах исторического развития. Глубоко своеобразны идеи любого крупного народа, и задача международников — осознать и использовать их в формировании научной, национально ориентированной теории⁵.

Для России как сформировавшейся великой державы весьма важен и учет лучших достижений реалистских теорий международных отношений, тем более что реалистские разработки активно развиваются в экспертных и академических кругах. Русский реализм в лучших его проявлениях показал чувствительность к проявлениям национальной самобытности, связанным в том числе с евразийским положением страны между Европой, Азией и Ближним Востоком, трансэтничностью, размером территории и важностью сильного централизованного государства. Подчеркивая важность сильного государства, русские реалисты, как правило, не являются противниками индивидуальной свободы или же цивилизационного своеобразия. Они исходят лишь из того, что такое государство — часть, основа и защита национально-политической самобытности от притязаний на нее извне⁶.

⁵ Один из возможных примеров применительно к изучению внешней политики может быть связан с синтезом державно-реалистских и конструктивистских теорий. См.: (Цыганков, 2020).

⁶ О нашем понимании особенностей мышления русского реализма см.: (Цыганков, Цыганков, 2017; Цыганков, 2021).

Нам уже приходилось предлагать социологический подход как основу изучения и формирования национально ориентированной теории международных отношений⁷. В числе прочих достоинств этот подход способен синтезировать достижения конструктивизма и реализма применительно к конкретным национальным условиям. Социологический подход признает наличие в науке определенных универсальных, общеупотребимых понятий, методов и методик. Однако он утверждает и диалектику национального и глобального и исходит из того, что общенаучные понятия должны быть продуктом глобального межнационального диалога и не могут быть выработаны и подтверждены лишь из одной части культурно-противоречивого мира. Социокультурный и политический диалог ученых, представляющих разные страны и части земного шара, поэтому должен быть условием развития науки. Такой диалог предполагает взаимное обучение и самообучение как понимание себя через восприятие другого (и наоборот).

Для России такая постановка вопроса означает необходимость не только находиться в постоянном диалоге с зарубежными коллегами и учиться у них, но и осознавать необходимость выработки соответствующих национальным интересам подходов к изучению международных отношений. Отгородиться от мировой, в том числе западной, науки как принципиально чуждой России — это путь к недialeктическому отрицанию глобального и, как следствие, к интеллектуальной изоляции страны. Национальные подходы в теории международных отношений должны базироваться на знании мировых тенденций и диалоге с представителями других сообществ внутри и вне страны (Цыганков, Цыганков, 2019).

⁷ Цыганков А.П., Цыганков П.А. Социология международных отношений: анализ российских и западных теорий: учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2006.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, подчеркнем, что усилия выстроить глобальное без национально-самобытного не могут считаться успешными. Глобальное должно строиться не сверху вниз, а вырастать как диалог равных социокультурных сообществ. Верно и обратное: любая национально-ориентированная теория обязана не замыкаться в себе, а содержать концепцию глобального, его истоков и условий сохранения и развития.

Справедливо и то, что исследователи должны руководствоваться некими общими методологическими стандартами получения знания, которое ценилось бы в различных культурных сообществах. Примеры выработки таких стандартов и на их основе взаимоприемлемых теорий, концепций и эмпирических выводов имеются (Anderl & Witt, 2020, pp. 48—55). Их следует развивать и множить при помощи организации кросс-национальных и кросс-культурных исследовательских проектов. При этом придется помнить, что любая сложная теория содержит в себе несколько уровней и строится на основе важных идейно-политических допущений, национальные различия которых едва ли удастся преодолеть в результате общенаучного диалога. Как справедливо писал когда-то С. Хоффманн, как бы ни хотелось исследователям видеть себя частью свободного космополитического сообщества ученых, отрицая при этом свою интеллектуальную зависимость от условий своей страны, такая зависимость существует (Hoffmann, 1995, p. 225). Очень важно, чтобы этот уровень выявляющих национальную самобытность идейно-политических допущений был прописан представителями самого национального сообщества. Иначе они рискуют быть вписанными в ту или иную глобальную теорию на урезанных правах каких-нибудь «региональных исследований».

Поступила в редакцию / Received: 03.07.2021
Доработана после рецензирования / Revised: 02.09.2021
Принята к публикации / Accepted: 21.12.2021

Библиографический список

- Алексеева Т. А.* «Запад» и «не Запад» в пространстве теории международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17, № 2. С. 217—232. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-2-217-232>
- Грачиков Е. Н.* Становление китайской школы международных отношений: аналитические подходы и методы исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19, № 2. С. 187—200. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-2-187-200>
- Дегтерев Д. А.* Незападные теории развития в эпоху глобального капитализма // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 4. С. 113—122. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-4-113-122>
- Зарубина Н. Н.* Социокультурные факторы хозяйственного развития. М. Вебер и современные теории модернизации. Санкт-Петербург : РХГИ, 1998.
- Истомин И. А., Байков А. А.* Сравнительные особенности отечественных и зарубежных научных журналов // Международные процессы. 2015. Т. 13, № 2. С. 114—140. <https://doi.org/10.17994/IT.2015.13.2.41.9>
- Лебедева М. М.* Незападные теории международных отношений: миф или реальность? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17, № 2. С. 246—256. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-2-246-256>
- Пантин В. И., Лапкин В. В.* Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. Дубна : Феникс+, 2006.
- Система, структура и процесс развития современных международных отношений* / отв. ред. В. И. Гантман. Москва : Наука, 1984.
- Сухов А. Д.* Столетняя дискуссия: западничество и самобытность русской философии. Москва : ИФРАН, 1998.
- Татищев С. С.* Дипломатические беседы о внешней политике России. Год первый. 1889. Москва : ЛЕНАНД, 2016.
- Фененко А. В.* Почему в Америке не любят публиковать российских авторов? // Международные процессы. 2016. Т. 14, № 1. С. 172—180. <https://doi.org/10.17994/IT.2016.14.1.44.12>
- Цыганков А. П.* Внешняя политика России: к комплексному осмыслению // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20, № 3. С. 441—448. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-3-441-448>
- Цыганков А. П., П.А. Цыганков и русский реализм* // О национально ориентированной теории международных отношений / под ред. Л.Э. Слуцкого, А.Ю. Шутова. Москва : Издательство Московского университета, 2021. С. 36—51.
- Цыганков А. П., Цыганков П. А.* Просвещенное державничество (А.Д. Богатуров и российская теория международных отношений) // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 175—185. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.13>
- Цыганков А. П., Цыганков П. А.* Теория международных отношений и образ желаемого завтра // Международные процессы. 2019. Т. 17, № 2. С. 8—18. <https://doi.org/10.17994/IT.2019.17.2.57.1>
- Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного* / отв. ред. Л.И. Рейснер, Н.А. Симония. Москва : Главная редакция восточной литературы, 1984.
- Acharya A.* Advancing Global IR: Challenges, Contentions, and Contributions // *International Studies Review*. 2016. Vol. 18, no. 1. P. 4—15. <https://doi.org/10.1093/isr/viv016>
- Acharya A.* Global International Relations (IR) and Regional Worlds: A New Agenda for International Studies // *International Studies Quarterly*. 2014. Vol. 58, no. 4. P. 647—659. <https://doi.org/10.1111/isqu.12171>
- Acharya A., Buzan B.* The Making of Global International Relations. Origins and Evolution of IR at its Centenary. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. <https://doi.org/10.1017/9781108647670>
- Acharya A., Buzan B.* Why Is There No Non-Western International Relations Theory? Ten Years On // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2017. Vol. 17, no. 3. P. 341—370. <https://doi.org/10.1093/irap/lcx006>
- Adler-Nissen R.* The Social Self in International Relations: Identity, Power and the Symbolic Interactionist Roots of Constructivism // *European Review of International Studies*. 2016. Vol. 3, no. 3. P. 27—39. <https://doi.org/10.3224/eris.v3i3.27340>
- Alker Jr. H. R., Biersteker T. J.* The Dialectics of World Order: Notes for a Future Archeologist of International Savoir Faire // *International Studies Quarterly*. 1984. Vol. 28, no. 2. P. 121—142. <https://doi.org/10.2307/2600692>
- Anderl F., Witt A.* Problematizing the Global in Global IR // *Millennium: Journal of International Studies*. 2020. Vol. 49, no. 1. P. 32—57. <https://doi.org/10.1177/0305829820971708>

- Cha T.* The Formation of American Exceptional Identities: A Three-Tier Model of the “Standard of Civilization” in US Foreign Policy // *European Journal of International Relations*. 2015. Vol. 21, no. 4. P. 743—767. <https://doi.org/10.1177/1354066114562475>
- Chagas-Bastos F. H., Leite A. C., Maximo J.* A Postcolonial Mapping of Indian IR Origins: International Thought and the State // *Journal of Intercultural Studies*. 2019. Vol. 40, no. 4. P. 434—450. <https://doi.org/10.1080/07256868.2019.1628717>
- Cheng C., Brettle A.* How Cognitive Frameworks Shape the American Approach to International Relations and Security Studies // *Journal of Global Security Studies*. 2019. Vol. 4, no. 3. P. 321—344. <https://doi.org/10.1093/jogss/ogz026>
- Colgan J. D.* American Perspectives and Blind Spots on World Politics // *Journal of Global Security Studies*. 2019. Vol. 4, no. 3. P. 300—309. <https://doi.org/10.1093/jogss/ogz031>
- Cox R. W., Sinclair T. J.* Approaches to World Order. Cambridge, New York : Cambridge University Press, 1996.
- Decolonizing International Relations* / ed. by B. G. Jones. Rowman & Littlefield, 2006.
- Eun Y.-S.* Beyond ‘the West/non-West Divide’ in IR: How to Ensure Dialogue as Mutual Learning // *The Chinese Journal of International Politics*. 2018. Vol. 11, no. 4. P. 435—449. <https://doi.org/10.1093/cjip/poy014>
- Falk R.* On Humane Governance: Toward a New Global Politics. Pennsylvania State University Press, 1995.
- Hobson J. M.* The Eurocentric Conception of World Politics: Western International Theory, 1760—2010. Cambridge : Cambridge University Press, 2012.
- Hoffmann S.* An American Social Science: International Relations (1977) // *International Theory* / ed. by J. DerDerian. London : Palgrave Macmillan, 1995. P. 212—241. https://doi.org/10.1007/978-1-349-23773-9_9
- Inayatullah N., Blaney D. L.* International Relations and the Problem of Difference. Routledge, 2004.
- Keating V. C., Kaczmarek K.* Conservative Soft Power: Liberal Soft Power Bias and the ‘Hidden’ Attraction of Russia // *Journal of International Relations and Development*. 2019. Vol. 22, no. 1. P. 1—27. <https://doi.org/10.1057/s41268-017-0100-6>
- Kustermans J.* Parsing the Practice Turn: Practice, Practical Knowledge, Practices // *Millennium: Journal of International Studies*. 2016. Vol. 44, no. 2. P. 175—196. <https://doi.org/10.1177/0305829815613045>
- Linklater A.* The Transformation of Political Community: Ethical Foundations of the Post-Westphalian Era. Cambridge : Polity, 1998.
- McCourt D. M.* Practice Theory and Relationalism as the New Constructivism // *International Studies Quarterly*. 2016. Vol. 60, no. 3. P. 475—485.
- Mearsheimer J. J.* Benign Hegemony // *International Studies Review*. 2016. Vol. 18, no. 1. P. 147—149. <https://doi.org/10.1093/isr/viv021>
- Mearsheimer J. J.* The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities. New Haven : Yale University Press, 2018.
- Reus-Smit C.* On Cultural Diversity: International Theory in a World of Difference. Cambridge : Cambridge University Press, 2018. <https://doi.org/10.1017/9781108658058>
- Shahi D.* Introducing Sufism to International Relations Theory: A Preliminary Inquiry into Epistemological, Ontological, and Methodological Pathways // *European Journal of International Relations*. 2019. Vol. 25, no. 1. P. 250—275. <https://doi.org/10.1177/1354066117751592>
- Thinking International Relations Differently* / ed. by A. B. Tickner, D. L. Blaney. Routledge, 2012.

Сведения об авторах: Цыганков Андрей Павлович — кандидат философских наук, доктор философии (PhD), профессор Государственного университета Сан-Франциско, Сан-Франциско, Калифорния, США; ORCID: 0000-0003-0011-2339; e-mail: andrei@sfsu.edu

Цыганков Павел Афанасьевич — доктор философских наук, профессор кафедры международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова; ORCID: 0000-0002-5726-183X; e-mail: tsyganpk@mail.ru